

решалось собирать каштаны и хворост, пасти скот и косить сено¹. Пира (XXXVII, 2) также говорит о существовании общих пастбищ. Наконец, „Трактат об обложении“ отмечает наличие общих земель деревни².

Итак, мы можем отметить, что в Византии X в. существовало значительное количество крестьян-общинников, которые не находились в личной зависимости, но зато обязаны были выполнять определенные повинности по отношению к государству. Эти крестьяне были прикреплены к своей общине и не могли отказаться от выполнения возложенных на них повинностей.

Вторая категория непосредственных производителей византийской деревни X в. — феодально-зависимые крестьяне. Феодальная зависимость встречается здесь в разных формах. Так, в одном из писем Николая Мистика рассказывается о деревне, которая обязана была платить натуральную ренту (зерном) одной из церквей³. Новелла Романа Лекапина свидетельствует о том, что знать подчиняла себе деревни и заставляла их жителей выполнять барщины (ἀγγαρία)⁴. В более поздней новелле прямо говорится, что феодалы, подчиняя себе крестьянскую общину, превращают ее в собственный проастиий, т. е. в зависимое поселение⁵.

В других случаях насилие феодала обращается не против целой деревни, но против отдельного лица. Новелла Константина Багрянородного отмечает случаи превращения стратиотов в частновладельческих крестьян: тот, кто был уличен в подобном преступлении против стратиота, должен был, согласно этой новелле, уплатить денежный штраф, половину которого получал сам стратиот⁶.

Наконец, феодально-зависимыми крестьянами становились и вольноотпущенники, которым их владельцы жаловали так называемые „легата“, т. е. небольшие наделы земли⁷.

Таким образом, можно видеть, что положение феодально-зависимого крестьянства в Византии X в. не было единообразным: в его среде

¹ G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, № 3.28, № 19.31. L. Petit. Actes de Chilandar, „Византийский временник“, XVII, 1911, Приложение, № 2.53.

² F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, S. 115.36. В некоторых областях Византии мы встречаем даже пережитки родовых отношений и остатки большой семьи. В Житии Филарета Милостивого сохранена картина пафлагонской большой семьи, состоящей из трех, если не из четырех поколений и насчитывающей около 30 человек. (А. А. Васильев. ИРАИК, IX, 1900, стр. 76. 29 и 141. 15). Повидимому, большая семья существовала и в Галатии (L. Petit. „Revue de L'Orient chrétien“, VIII, 1903, p. 173. 14). О наличии в Византии пережитков родовых отношений свидетельствует и то обстоятельство, что при построении войска рекомендовалось братьев и родственников включать в один отряд, ставя их вместе и во время похода, и в бою (Leonis Tactica, IV, 39; Ю. Кулаковский. Стратегикон императора Никифора. „Записки АН“, сер. VIII, т. VIII, 1908, ч. 9, стр. 12. 13). Наконец о совместном земельном владении родственников говорят известные постановления императоров X в. (С. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, p. 238. 11).

³ Migne. Patr. gr., t. CXI, col. 260. В.

⁴ С. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 247. 5.

⁵ Ibid., III, 310.

⁶ Ibid., III, 266, 14.

⁷ Об отпуске рабов на волю в X в. см. в житиях L. Petit. „Revue de L'Orient chrétien“, VII, 1902, p. 557. 31; Migne. Patrologia graeca, CXX, col. 100. D. Ср. также грамоту 897 г. — G. Rouillard — P. Collomp, Actes de Lavra, № 1.19. Очень яркое свидетельство от середины XI в. — В. Бенешевич. Завещание византийского боярина. ЖМНП, 1907, № 5, стр. 224, 228—229. См. также А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков. „Уч. зап. Тульск. гос. пед. ин-та“, вып. 2, 1951, стр. 74 и сл.